

Галина Голицына

SMS-ловушка для монарха

Потухший взгляд глядит уныло-серо,

А у меня в глазах немой вопрос:

— Ты кто?

— Кто я? Утраченная вера.

Прабабка мудрости

И внучка светлых грёз...

Я получила эсэмэску:

*«Жизнь прекрасна, несмотря ни на что!
Летиция».*

Ну, это спорный вопрос... Но если она считает так — что ж, я безумно рада за неё. И переубедить не стану. Сама разберётся, рано или поздно...

Летиция — это моя виртуальная подружка. Появилась она не так давно в моём электронном почтовом ящике. Просто возникла там, как вирус компьютерный. Я обычно неожиданные письма уничтожаю, не открывая: вирусов боюсь. Но тут чёрт меня дёрнул именно это письмо открыть. Имя отправителя заинтриговало: Летиция, надо же...

Вируса внутри, слава тебе, господи, не оказалось, а оказался там текст:

«Привет! Давай дружить!»

Занятно... Это что же — «ищу друзей по переписке»? Интересно, в каком классе учится эта Летиция? Надеюсь, не в первом...

Воспитанные люди на письма всегда отвечают. Я считаю себя воспитанной, поэтому ответила:

«Привет, Летиция! А ты уже ходишь в школу?»

В ответ я тут же получила смайлик. Он радостно ржал, осеняя собою текст:

«Не-а, не хожу. УЖЕ не хожу».

«Что, выгнали?»

«Просто я уже большая девочка».

«Насколько большая? Ближе к пенсии, что ли?»

В ответ — снова смайлик. Этот уже не ржал, а улыбался и подмигивал:

*«Ой, до пенсии мне — как до Луны пешком...
А тебе? Ты вообще кто — тётя или
дяденька?»*

**«Я вообще-то тётя. Но уже старенькая.
Тебе нужна старенькая подружка?»**

Следующий смайлик вытаращил глаза:

*«А как тебя зовут, старенькая подружка? И
насколько ты старенькая?»*

Так, и как же мне назваться? Надо бы ей под
стать... Эсмеральдой, что ли, представиться?
Изольдой?

**«Меня зовут Марта. Для тебя, наверное,
тётя Марта».**

Следующий смайлик задумчиво свёл бровки
шалашиком:

*«Ну-у, не знаю даже... Мне двадцать один
год. А тебе, тётя Марта?»*

**«Мне сорок два. Надо же, ровно вдвое
больше... Одно радует: ты уже
совершеннолетняя, даже по старинным меркам.**

Так что можешь говорить мне «ты». Разрешаю».

У нового смайлика были красненькие щёчки и стыдливо потупленный взгляд:

«Спасибо большое. Мне очень нужна старшая подруга для душевных бесед. Не возражаешь, если я буду консультироваться по житейским вопросам?»

«Всегда пожалуйста! А почему бы тебе не советоваться с ровесницами?»

Смайлик презрительно скривился:

«Да ну их... Что они могут знать о жизни? Ещё меньше, чем я».

Да, с этим не поспоришь...

Одним словом, у нас завязалась оживлённая переписка. Правда, в голове у меня гвоздём сидел известный стишок:

Ребята, не верьте девочкам из чата,
У многих есть дети и даже внучата,
Ещё — борода и прокуренный свитер,
И выпито пива, как минимум, литр...

Ох, надеюсь, моя юная подружка — не из таких вот «девчат». А вдруг именно из таких? Господи, зачем я только с ней связалась...

«Марта, я влюбилась!!!»

И вместо подписи — ликующий смайлик.

Я тоже научилась вставлять в текст эти значки-эмоции. Взгляд моего смайлика был полон иронии:

«В первый раз, что ли?!»

«Представь себе, в первый! В этом году... И вообще я всегда влюбляюсь, как впервые, а расстаюсь — так навсегда, вот!»

Понятно, юношеский максимализм... Я-то уже научилась кое-как управлять своими эмоциями. Зато разучилась влюбляться. Закон сохранения в действии: если где-то чего-то убудет, так в другом месте столько же прибавится. И наоборот...

Правда, в последнее время я стала подозревать, что с моими эмоциями творится что-то неладное. Такое впечатление, что меня пронзила стрела Амура. Вот так радость на старости лет! И

что с этим прикажете делать? Любовь — это только малолеткам в радость, но уж никак не тётенькам средних лет... Ну сами посудите: сорокалетняя женщина при виде предмета обожания впадает в ступор, «в задыханьях тяжёлых бледнея». Это ли не тема для анекдота? Тем более что сам предмет обожания ни о чём таком не догадывается, и не дай бог ему догадаться! Нет, он достоин лучшей доли, чем любовь одинокой женщины средних лет... Что ему-то с этим обожанием делать? К чему пристроить?

А что же делать мне? Запретить себе его любить? Не могу я это сделать, не могу...

А может, с подружкой новоявленной посоветоваться?

«Тук-тук! Летиция, ты там?»

«Угу. Чего тебе, Марта?»

Милое начало разговора. И такое обнадеживающее... Ладно, не буду надоедать ей со своими переживаниями, отрывая тем самым от её собственных. Любому человеку приятен разговор либо о нём самом, либо о предмете его страсти. Ну, так и совместим...

«Хочешь рассказать мне о своём... Как это

у вас нынче называется? Бой-френд, что ли?»

«Очень хочу! Меня прямо всю так и распирает! А тебе в самом деле интересно?»

«Ага. Валяй, рассказывай. Я вообще-то сейчас книжку собиралась почитать. Про любовь. Но могу почитать твои откровения, раз уж они тоже про любовь».

«А книжка как же?»

«А никак пока. Да что ей сделается? Чай, не убежит... Я вспомнила, что у нас был уговор насчёт мудрых советов. А я свои обещания всегда стараюсь выполнять. Тебе сейчас нужен мой совет?»

«Честно сказать, не особенно. Мне пока что всё понятно. А поговорить о нём я с тобой могу. С большим удовольствием!»

«Он, конечно, красавец?»

Мой смайлик улыбался, но улыбался скептически. Не слишком ли я резка с девочкой?..

«Ну, я не знаю... А так ли уж важно для

мужчины быть красавцем? Иногда чудовище намного прикольнее... Но зато у него такие руки!.. Ты себе даже не представляешь, какие у него руки!»

«Попробую угадать... Ласковые, нежные? Или шаловливые, не знающие удержу?»

Её смайлик обиженно опустил уголки нарисованного ротика:

«Да я совсем не это имела в виду! У него руки ОЧЕНЬ КРАСИВЫЕ, понимаешь? Когда они порхают по клавишам, я смотрю на них, как зачарованная. Мне в этот момент ничего не хочется, меня ничего не интересует, мне ничего не надо, — только бы смотреть и смотреть на их порхание...»

«Он пианист?»

Смайлик, прищурившись, захихикал:

«Скажешь тоже... Он — компьютерщик. Приходит к нам в офис чинить технику. Наша фирма у их фирмы на абонементе. Он много раз, оказывается, бывал у нас в офисе, но я его в упор не видела. Ну, мало ли народу здесь отирается: посетители, курьеры, чьи-то друзья, знакомые,

друзья знакомых и знакомые друзей. Бывало, и компьютерщика среди них обнаружишь невзначай... А тут у меня комп полетел. Он пришёл чинить, сел за клавиатуру, чтобы продиагностировать, пробежал пальцами по клавишам, я как это увидела — мама дорогая!.. Я таких красивых рук не видела никогда. Такие руки надо показывать отдельно, крупным планом, показывать их в работе, причём показывать долго-долго... Можно даже продавать видео с их изображением. Если бы у меня было такое видео, я могла бы целый час, не отрываясь, смотреть на это священнодействие... Марта, как ты думаешь: я сумасшедшая?»

Я не стала отвечать тотчас. Тут так сразу не ответишь... Обдумать надо, чтобы не поранить нежную психику. Хорошо, что я не стала навязывать ей свои проблемы. Какое может быть дело до моей осенней любви ей, девочке-весне, влюбившейся в мужские руки?

«Ау, Марта, ты где? Тебе неинтересно?»

Вместо подписи — смайлик, и вид у него обескураженный.

Надо отвечать. Что ж, по крайней мере, у этой

«девчонки из чата» вряд ли есть борода и прокуренный свитер, то есть она — это именно «она», а не «он». Потому что только «она» может так беззаветно влюбиться в мужские руки. Ну, или «он» нетрадиционной ориентации...

Вот только этого мне не хватало!

Ладно, не будем думать о грустном, будем надеяться на лучшее.

Пока я так рассуждала, ко мне постучалось следующее письмо. Там не было текста, а был только смайлик — плачущая рожица. Что ж, надо отвечать, утирать эти слёзы.

«Летиция, ты уверена, что влюбилась? Я имею в виду — влюбилась именно в человека? Из твоего рассказа я поняла, что влюбилась ты в руки, а сам человек интересен тебе не так чтобы очень... Или я не права?»

Теперь уже мне пришлось долго ждать ответа. Девушка явно задумалась. А может, и не задумалась вовсе, а заболталась, к примеру, с подружкой по телефону. Могла же ей позвонить подружка? Или она сама ей позвонила, не в силах больше в одиночку нести бремя этой странной любви к мужским рукам, которая обрушилась на неё так неожиданно...

«Скорее всего, ты права... В самом деле, я влюбилась не в человека, а в его руки. А что это значит? И что мне теперь делать?»

«А ничего не делай. Плыви по течению, оно тебя куда-нибудь да вынесет. Или к берегу прибьёт... Ну, там видно будет».

Она ничего мне не ответила. Переваривает информацию. А хорошо, что я с ней пообщалась. От своих грустных мыслей отвлеклась...

У меня на работе — полный кошмар. Я уже просто не могу видеть свой предмет страсти нежной. И не видеть его тоже не могу. Патовая ситуация, прямо-таки безвыходная. Выход закрыли, выхода нет...

Да чего я так терзаюсь? Вот как наберусь смелости, как подойду к нему, как заговорю! И что из того, что ему тридцать лет, а мне сорок? Подумаешь, какие-то жалкие десять лет разницы... Что такое десять лет по сравнению с вечностью?

Ой, не ври, себе же врешь! А себя разве обманешь?

Я же ведь точно знаю, что мне не сорок лет, а сорок два, и уже скоро будет сорок три. И ему не тридцать, а «что-то около тридцати». Ну, может,

лет двадцать восемь. А может, и двадцать семь. Таким образом, разрыв составляет не «какие-то жалкие десять лет», а полновесные пятнадцать, а то и все шестнадцать! Ужас какой... В принципе, я могла его родить, если бы не была в школе такой скромницей. У нас в классе была одна девочка, так ей директриса не позволила доучиться в восьмом классе, потому что животик уже был заметен. Таких, как она (двоечниц и прогульщиц) принято было порицать, а таких, как я (отличниц и скромниц) принято было восхвалять. И что в результате? Аня — так звали ту девочку — в пятнадцать лет стала мамой, в тридцать с небольшим — бабушкой, и теперь её внучка уже в школу ходит — кстати, в нашу же. Анька лет через десять уже правнуков нянчить будет, а я в свои сорок два года мучаюсь от неразделённой любви и отчаянно этой любви стесняюсь.

Интересно, жива ли ещё наша грозная директриса? И что бы она сказала теперь? Какие бы оценки за прожитую жизнь поставила бы нам с Аней? По-моему, я, бывшая отличница, как-то незаметно для себя съехала на двойки, а вот Анютка заслужила пять с плюсом!

И ещё эта напасть: неуёмная любовь к очень молодому человеку. Классический признак старости...

Ладно, хватит думать о своих проблемах,

лучше подумаем о чужих: это и интересно, и сердце не так болит. Что-то мне сегодня напишет Летиция?

Господи, ну почему именно «Летиция»? Ленами и Любами мы давно уже быть не хотим, Кристинами и Анжелами тоже уже сыты по горло, нам подавай что-то новое и непременно заграничное. Вот Летиция вполне подойдёт. Эх, надо было мне тоже назваться какой-нибудь Лавинией. Лавиния... Звучит и красиво, и неизбито. Жаль, не додумалась... Пришла на ум только эта самая Марта, да и то потому, что я родилась в марте. Фантазии у меня — ноль. Марта, конечно, красивое имя, но если вспомнить, что на Руси издавна оно произносилось как Марфа... Отчего-то Марфой я назваться не захотела. Теперь думаю — зря. Подружка моя виртуальная выпендрилась на заграничный манер, а я бы вполне могла утереть ей нос, соскользнув в русский фольклор. Не соскользнула, увы...

В электронном ящике меня ожидало новое письмо. Смайлик смотрел жалобно:

«Марта, караул! У меня, кажется, крыша едет вполне конкретно. Я сегодня сломала только что налаженный компьютер. СПЕЦИАЛЬНО сломала, представляешь? Только чтобы ОН пришёл к нам и снова занялся его

починкой. Как ты думаешь, мне уже можно идти к психиатру? Или подождать пока?»

«Подожди пока. Может, само пройдёт» .

«Так ведь не проходит! Опять я, как последняя дура, стояла и смотрела на его руки. Он что-то у меня спрашивал, а я даже не понимала, что именно. Он, кажется, решил, что я дебильноватая. Удивился, небось, как такой дуре вообще технику доверили. А я смотрю на его аристократические руки, длинные пальцы, идеальный овал ногтей... Смотрю и думаю: я хочу видеть их и завтра, и послезавтра, и вообще хочу смотреть на них всю жизнь! Смотрю и понимаю: я и дальше буду намеренно ломать свой компьютер. И меня просто выгонят с работы. Да фиг с ней, с работой! Главное горе — я же тогда не смогу видеть ЕГО! Эти руки, которые мне снятся уже четыре ночи подряд...»

«Так уж и снятся... А ты не заливаешь?»

«Вот тебе крест святой! Точно снятся, клянусь! Правда, не сами по себе, а по заказу. Я перед сном думать ни о чём не могу, только эту картинку и вижу: компьютерная клавиатура, а по ней бабочками порхают они... В какой-то момент

я засыпаю, а они всё порхают и порхают... И я точно знаю, что буду портить машину, чтобы ОН пришёл её чинить. Марта, что мне делать, чтобы не выглядеть полной идиоткой и неумехой в ЕГО глазах и в глазах общественности? Может, для разнообразия выводить из строя чужие компы?»

«С ума сошла, точно! Можешь идти к психиатру, он тебе обрадуется. Может, даже больничный даст. И уж точно поставит на диспансерный учёт. Ишь, чего удумала! Выводить из строя компьютеры, да ещё и чужие! Лучше уж побюллетень с недельку — глядишь, в голове и просветлеет...»

«Ах, это не выход... Ну посижу я недельку на больничном, помучаюсь в одиночестве, общество от меня отдохнёт, — хорошо. Но ведь как только выйду, тут же займусь вредительством. Наперёд знаю!»

«Тогда вот что... Ты в глаза ему посмотри. Если сердце ёкнет — начинай к нему клинья бить. Думай, как его заинтересовать».

«Смотрела в глаза. Не ёкает, хоть ты тресни! А как на руки гляну — так сердце аж заходится! Неужто, и правда, идти к психиатру?»

«Летиция, у тебя на мобильнике фотоаппарат есть? Видеокамера?»

«Ты хочешь получить моё фото на память? Ничего не выйдет, милая Марта. Зачем тебе знать, как я выгляжу? Я же твою фотку не прошу! Вслепую общаться в сто раз интереснее!»

«Согласна. Но мне твоё фото ни к чему. Я другое тебе предложить хочу: когда твой герой придёт в очередной раз исправлять следы твоего вредительства, ты стой рядом и делай вид, что ищешь что-то в своём телефоне. Ну, или в игру играешь. А сама сними этот процесс на видео. И потом будешь дома перед сном порхание его рук просматривать и балдеть. Сама же говорила: мне бы видео с его руками... Вот и сделай это для себя!»

Ответ пришёл очень быстро, и был он весь облеплен поцелуйчиками и сердечками:

«Марточка, ты самый настоящий друг! Как же я, бестолковая, сама не догадалась?! Я так и сделаю, как ты советуешь! Чмок-чмок-чмок!»

Вот как легко помочь чужому горю!

Моему бы кто помог...

Прямо хоть не выходи на работу! Я, дура старая, тоже влюбилась. И тоже в компьютерщика. Ну, сейчас ведь компьютерщиков этих — как грязи. Пардон — как микробов. Прямо кишмя кишат! Мужчины — особенно молодые — позабыли об остальных профессиях, все поголовно подались в компьютерщики. Так что нам с Летицией (и со всеми прочими подругами по несчастью) выбора просто не оставили. Но в моём тяжёлом случае дело вовсе не в его «музыкальных» руках, а в чём-то совсем другом. В чём-то таком, чему и названия-то нет... Молодой вроде бы парень, и не сказать, что атлет, богатырь, — нет, среднего роста и весьма средней комплекции. Но вот веет от него чем-то таким невыразимо мужским!.. Только подхожу к нему — и сразу чувствую: он и сильный, и умный, и надёжный. Хорошо с ним рядом сидеть. Хорошо с ним рядом стоять. Лежать с ним рядом тоже, поди, неплохо... Словом, хорошо бы рядом с ним прожить всю жизнь...

Может, конечно, это и не так. Но я *так* чувствую... И не гоню от себя это чувство. Куда там... Наоборот — каждую секунду мечтаю припасть к его груди и навсегда остаться там: орденом, каким-нибудь значком или просто орнаментом на свитере... Хочу стать футболкой

или рубашкой, чтобы с утра до вечера обнимать его плечи, прижиматься к его груди, ласкать его шею, и чтобы он при этом не шарахался...

Вот до чего додумалась!

Работаю я корректором в журнале. Современная редакция — это море компьютеров. Целый океан. Лес компьютеров. Прямо заросли, джунгли какие-то... И если ты не умеешь в них ориентироваться — лучше тебе сюда и не соваться: враз заблудишься, сгинешь, пропадёшь!

Мы сначала тоже были на абонементном обслуживании у какой-то фирмы, но потом начальство наше журнальное смекнуло, что лучше взять одного квалифицированного системотехника в штат, чем бесконечно переплачивать чужой фирме. Это и дешевле, и мастер всегда под рукой, причём именно сегодня, а не завтра-послезавтра. К тому же среди компьютерных «чайников» ходят упорные слухи: нечистые на руку мастера специально делают так, чтобы их вызывали для ремонта и настройки как можно чаще, и таким образом выкачивают нехилые денежки из карманов доверчивых граждан. А если это будет свой человек, сидящий на твёрдом окладе, то и работу он поставит так, чтобы все машины работали у него как часики: тик-так, тик-так...

Что и получилось в нашем случае. Когда наш

Эдичка пришёл к нам в штат, все поломки тут же прекратились. Неуправляемые ранее компьютеры превратились в послушные механизмы, управлять которыми можно почти что взглядом. Ну, не взглядом, конечно, но одного ласкового прикосновения вполне достаточно, чтобы машина выполнила команду.

Эдик целыми днями в Интернете сидит, в игры играет. В общем, не работает. Но вот парадокс: чем больше он не работает, тем, значит, лучше он работает. Так всегда бывает с наладчиками. У хорошего наладчика всё оборудование налажено. Значит, имеет законное право в рабочее время играть — хоть в домино, хоть в карты, хоть в «Квейк».

Пиликнул мобильник: пришло SMS-сообщение. Конечно, от Летиции. Я дала ей свой номер. А чего ж не дать? Номер куплен в магазине, нигде официально не зарегистрирован, найти по нему владельца невозможно.

«Его руки снова порхают по клавишам, и моя душа порхает по той же траектории!»

Нет, вы только послушайте: «порхает по траектории»! Это ж надо такое придумать... Пойти и мне, что ли, посмотреть на предмет своей страсти

нежной...

Эдуард, как всегда, был в гуще сражения. Какие-то монстры гонялись друг за другом по всему экрану.

Я невольно шарахнулась:

— Господи, кто это?

— Гоблины, — ответил Эдик, даже не обернувшись.

— А кто такие гоблины? — отважилась я спросить, надеясь таким образом наладить с ним контакт.

Но мой предмет, соизволив оторвать взгляд от экрана, повернулся всем корпусом, смерил меня взглядом, нахмурился и изрёк:

— Говорю же: гоблины!

Считая, что всё объяснил, он снова погрузился в сладостный мир сказочных сражений. Я для него перестала существовать. Подозреваю, что не только на время игры, а вообще навсегда. И то сказать: что за интерес разговаривать с тёткой, которая даже не знает, кто такие гоблины!

Но меня сегодня не то муха укусила, не то послание Летиции раззадорило. Я решила, что так просто не сдамся. Задам ему ещё какой-нибудь вопрос. Всё равно, какой именно, пускай даже очень глупый. Он же и так считает меня душой непроходимой, так что хуже не будет.

Раздумывая, что бы такое спросить, я невольно следила за мельканием персонажей на экране. И обнаружила, что среди уродов весьма неприятной наружности то и дело мелькают какие-то маленькие миленькие существа, эфирные создания.

— А кто это? — ткнула я карандашом в такое вот создание.

— Эльфы, — буркнул Эдик, лупя по клавишам.

Я поняла, что содержательного разговора у нас не получится, но уходить не торопилась. Так и стояла за его спиной, пытаюсь угадать, каким персонажем управляет мой любимый.

Монстры кидали друг в друга исполинские камни, сходились в рукопашной, рвали друг друга на части. Битва происходила на таком фоне, который в Библии описывается как конец света: тёмное небо то и дело разрезали жуткие молнии, которые тут же врезались в землю; ураганной силы ветер вдруг возникал неизвестно откуда и сбивал с ног мохнатых чудовищ, а порой даже поднимал их в воздух и с силой швырял о землю. Изредка кошмарный фон слегка украшался: появлялась девочка-эльф, похожая на колибри. Трепеща крылышками, она зависала на месте, прицеливалась и из чего-то выпускала разящие стрелы, точно попадая кому-то из монстров то в глаз, то в

макушку. Подленькая такая девочка... Прилетит, прицелится, выстрелит и исчезает. Похоже, что в этом и заключается суть игры: увернуться от стрел эльфа. Кто продержится дольше всех, тот и выиграл, да?

Я стала следить за монстрами. Смотреть на их драки было очень противно, но я себя заставила, и очень скоро уже различала их по внешнему виду. Один был ушастым циклопом. Другой был тоже одноглазый, но не от рождения. Если у первого, ушастого, глаз был один и располагался посередине того места на черепе, что у людей именуется лицом, то у второго изначально было целых три глаза, но на этот момент остался только один действующий, и ещё две пустые глазницы зияли так зловеще, что мне стало не по себе. Игра, конечно, я понимаю, всего лишь игра, компьютерный мультик, но так жалко этого вот бывшего трёхглазого, растерявшего в боях почти все свои глаза...

А вдруг Эдик играет именно этим монстром? Тогда недолго ему осталось в игре участвовать... Вот сейчас эта подлая девчушка с розовыми крылышками выбьет ему оставшийся глаз, и всё, привет: слепой-то много не навоюет!

А может, Эдичка играет вон тем осторожным чудовищем, которое всё время прячется то за валунами, то за деревьями, высовываясь оттуда изредка только затем, чтобы метнуть копьё в

противника? А противниками здесь, как я поняла, были все у всех.

Ещё какие-то мохнатые уроды то появлялись, то исчезали, но эти трое — ушастый циклоп, бывший трёхглазый и копьёметальщик — всё время были в кадре.

Я спросила своё сердце, к кому из них оно больше тянется. Сердце ответило честно: ни к кому.

Набравшись смелости, я пробубнила в затылок Эдику:

— А ты кем играешь?

— Девочкой, — просвистел он сквозь сжатые зубы.

— Кем?!

Я от такой новости, что называется, выпала в осадок. Я примеряла к нему всех трёх монстров, а он, оказывается, всё это время был в буквальном смысле слова *над схваткой* и разил противников, трепеща розовыми крылышками?.. Как недавно выразилась Летиция, «порхая по траектории»?

Пока я разбиралась в сумятице чувств, подлая девчужка вылетела откуда-то из правого верхнего угла — в облаке она пряталась, что ли? — и ловко выбила стрелой трёхглазому третий глаз, последний.

К каким последствиям это привело, я смотреть не захотела. Муторно мне как-то стало, совсем тошно. Я ушла подальше от этого потустороннего

мира, вернулась в корректорскую, села за свой стол, сложила руки, как прилежная ученица, уронила на них голову и задумалась: может, я порченная какая? Почему я всегда влюбляюсь в людей недостойных? Точно, кто-то порчу навёл, не иначе! Вот и сейчас, пожалуйста: влюбилась в молокососа, у которого ума только-только хватает на игры, да ещё и страдаю по нему! «И веет от него чем-то мужским!» — передразнила я сама себя. А он при этом играет в кошмарную игру, причём играет в образе девочки с розовыми крылышками! Совсем ничего взрослого в этом человеке нет...

А я ещё хотела рассказать о нём Летиции! Вот бы опозорилась...

Дверь скрипнула. Я рывком подняла голову.

На пороге стоял Иннокентий Афанасьевич, наш главный редактор, и одна бровь у него была иронично приподнята:

— Я разбудил вас? Уж простите, бога ради...

Я смутилась, стушевалась:

— Что вы, что вы... Я и не спала вовсе...

— Разве? А что же ещё можно делать, лёжа на столе? Может, вы медитировала?

Ну, это прикол у него такой. Он считает, что от избытка грамотности он может себе позволить некоторую неграмотность, этакую небрежность в

речи. Например, такой вот оборот: «Вы сидела и читала». А теперь вот — «вы медитировала». Очень смешно...

— Нет, Иннокентий Афанасьевич, я просто задумалась...

— Ах, вы задумалась... Надеюсь, на производственную тему?

Я закивала:

— Безусловно! То есть практически да...

— Что значит «практически»? — снова поднял он бровь.

— Я думала об Эдике, нашем системотехнике.

— Вот как... И что же конкретно вы о нём думала, позвольте полюбопытствовать?

— Да так... — замялась я.

— Что такое? Вы что-то скрываете? Он что, не починил вам компьютер?

Его брови стали грозно сползаться друг к дружке и очень быстро встретились на переносице.

— Что вы, что вы, — зачастила я, — всё он починил! Вернее, мой компьютер и не думал ломаться!

— Так зачем же вам понадобился компьютерщик?

Я вздохнула, опустила очи долу и пояснила вполголоса:

— Амур меж нами пролетел...

— Кто-кто пролетел?.. — опешил главный редактор.

Я даже глаз поднять не решилась, только плечами ещё больше поникла.

Макушкой я чувствовала, что главный редактор всюду буравит меня глазами. Через пару секунд я всё-таки решилась поднять голову и встретить его взгляд.

Он смотрел на меня изучающе, чуть вприщур:

— Лилия Петровна, сколько вам лет?

— Сорок два, — покаялась я.

— И не стыдно? В вашем-то возрасте?

— Так ведь сердцу не прикажешь...

Он выпучил глаза и стал хватать воздух ртом — точь-в-точь как премудрый пескарь, которого удочкой только что выдернули из его спасительной подводной пещерки в непонятный надводный мир. После этого развернулся и бегом убежал из корректорской.

Сам Иннокентий Афанасьевич слывёт у нас убеждённым холостяком. Он считает, что институт брака у нас давным-давно умер, смысла в нём никакого нет, а потому и жениться ни к чему. Нет, не подумайте ничего такого, женщин он любит, но обычно недолго. Один вечер, не больше. А на следующий день снова думает только о работе. Я это знаю со слов коллег, которые наблюдали его «в

действии».

Вернувшись домой, я написала письмо Летиции:

«Получила сегодня днём твоё послание. Это подвигло меня на то, чтобы попробовать наладить контакт с человеком, который мне небезразличен».

«Ух ты! И как, получилось?»

«Скорее нет, чем да. После этого сидела за столом и переживала фиаско. За этим занятием и застал меня шеф».

«И что? Надеюсь, он ни о чём не догадался?»

«Конечно, ОН не догадался. Я САМА ему рассказала».

Летиция долго молчала, потом прислала сообщение длиной в одно слово:

«Зачем?»

Я тоже помолчала, собираясь с мыслями, потом написала:

«Понимаешь, девочка, я считаю, что лучше всегда говорить правду. Это экономит массу времени и не оставляет места для сплетен. Поэтому правды надо говорить как можно больше. Люди привыкнут к твоей правдивости, и тогда, если уж понадобится соврать, маленькая ложь легко сойдёт за правду».

«Интересная мысль...»

«Ну, я же обещала по мере сил учить тебя взрослой жизни... А что касается моего начальника... Он, конечно, офонарел от такой моей искренности и тут же сбежал из моей комнаты. И поделом ему! В следующий раз не будет задавать лишних вопросов. И ничего другого делать тоже не будет. Например, следить за мной, вынюхивать, подозревать... А теперь чего за мной следить? Я же сама всё рассказала, без утайки!»

Ответом мне была смеющаяся рожица:

«И какова же была реакция блюстителя морали?»

«Брезгливая была реакция. Ему самому

такие высокие чувства недоступны, а значит, и нам не положено!»

Потом компьютер я выключила. Не хотелось больше душевного стриптиза. Да и вообще не хотелось больше видеть печатный текст, тем более на экране монитора. Мало, что ли, мне этой радости на работе? Не хватает ещё и дома глаза напрягать...

Перед сном я долго рассматривала две картинки, которые мне подарила Кристина, наша художница. Вообще-то рисует она в основном карикатуры, смешные иллюстрации к фельетонам или к подборкам анекдотов, изредка — образы романтически настроенных девушек к дамским рассказам из серии «как одна принцесса нашла своего принца в супермаркете (на автозаправке, в поликлинике, на курорте и т. п.)». Но для самой Кристины такие иллюстрации — просто работа, которую она делает чисто автоматически. Делает и тут же о ней забывает. А для себя, для души она рисует странные картины.

Более подходящего определения я подобрать не могу, поэтому продолжаю называть их «странными». Изредка она приносит в редакцию кое-что из своих работ: надеется, что главный редактор что-то всё-таки решится дать на суд зрителей, то есть читателей нашего журнала. Но Иннокентий Афанасьевич, наш главный редактор,

пока что на такой решительный шаг ни разу не отважился. И каждый раз он говорит Кристине, что читатель наш не готов к пониманию такого «высокого искусства», что простым людям надо всё объяснять, а иначе никто ничего не поймёт. И сколько ему Кристина не объясняет, что *такое* искусство надо не *понимать*, а *чувствовать*, — бесполезно. Даже когда в номере остаются пустоты, он заполняет их любой ерундой, только не её картинами. И она уносит их домой.

Чаще всего она использует классические материалы — холст, масло. Но иногда использует цветные карандаши, фломастеры и даже мелки. Реже — гуашь. А мне сегодня вдруг ни с того ни с сего преподнесла две акварели.

Просто положила передо мной на стол и, пожав плечами, сказала:

— Это вам. На память от меня.

Я всполошилась:

— Ты что же, увольняешься?

— Пока нет, но это может случиться в любой момент.

— Тебе предложили другую работу?

И тут она, наклонившись, шепнула мне на ухо:

— Я выставила свои картины в галерее. Представляете, две из них купили!

Я чуть было не спросила, за сколько их

купили. Но глаза её сияли таким победным сиянием, что я поняла: не важно, за сколько именно. Да хоть за пять копеек! Для художника важна востребованность.

Но всё же я осторожно спросила:

— Полагаешь, что сможешь прожить на эти деньги?

Она смущённо улыбнулась:

— Ну, если бы удавалось продавать хотя бы по одной картине в месяц, то... Впроголодь, конечно... Главное — чтобы на расходные материалы хватало.

Она ушла к себе, а я просто спрятала картинки в сумку. Работы у меня было навалом, к тому же — конфликт с начальством. Ну, или почти конфликт... До искусства ли тут? Тем более такого высокого!

И только сейчас, дома, в одиночестве и покое, я достала подаренные листки бумаги и стала их рассматривать.

И опять мне на ум пришло определение «странные». Я, конечно, не такой уж большой специалист в этом виде искусства, однако мне кажется, что Кристинкины произведения — это смесь абстрактной живописи и сюрреализма. В них никогда нет сюжета, нет конкретных фигур или предметов. Это просто настроение. Голубое настроение. Розовое настроение. Или просто белое. Что там Сальвадор Дали по сравнению с нашей

Кристиной...

Сегодня одна из картинок была выполнена в бело-голубых тонах, вторая — в красно-чёрных.

Бело-голубая навевала возвышенно-романтическое настроение, создавала в душе уют, покой, вселяла надежду и веру в будущее.

Красно-чёрная же, наоборот, рвала душу на части, кромсала сознание, буквально расчленяла его на куски, затягивала в немислимые водовороты багрового цвета, и сознание устремлялось в кроваво-красную воронку, уходя через неё в чёрную дыру...

Вздвогнув, я отложила — нет, отбросила! — тревожащую душу картинку, и вместе с ней отбросила тревожное настроение.

Снова взяла в руки бело-голубую, и покой снизошёл на меня. Как говорила когда-то моя старенькая бабушка, «будто Господь босиком по душе прошёл»... Надо же, а я ведь не люблю голубой цвет! И синий не люблю, и серый, и даже бирюзовый не люблю, хотя он и считается очень нарядным, очень красивым. А я вот не люблю холодные цвета! Меня всегда в дрожь от них бросает. Люблю тёплые тона, люблю яркие, а в юности всем другим цветам предпочитала красный — и в одежде, и во всём остальном: помада, лак для ногтей, сумка, туфли, авторучки... Мама всегда

смеялась, говорила: «Дурак красному рад!».

И вдруг сейчас обнаружилось, что картину, выполненную в моих любимых красных тонах, я отложила подальше и даже прикрыла её недочитанным журналом. А другую картину, выполненную в столь нелюбимых мною холодных тонах, я держу в руках. Держу её, смотрю на неё, и даже представить себе не могу, как же я отведу от неё взгляд...

Нет, определённо, Кристина наша — колдунья! А картинки эти психоделические надо спрятать подальше, потому что они точно — от лукавого...

Следующий рабочий день начался с того, что мне представили новую напарницу — Наташу. Не то чтобы представили, скорее — сообщили о ней. Едва я вошла в дверь, как тут же наткнулась на главного редактора. Он спешил по делам.

Поздоровавшись, бросил мне на ходу:

— Лилия Петровна, радуйтесь: нашли второго корректора. Уже отправил ее к вам в комнату. Так что идите, знакомьтесь. Девушка вроде хорошая. Так что прошу любить и не жаловаться.

И помчался дальше по делам.

Журнал наш — издание солидное, весомое. Не в смысле серьёзности материалов, а в смысле габаритов. Предназначен он для семейного чтения,

поэтому место у нас находится всему: и спорту, и кулинарии, и воспитанию детей, и политике — как же без неё! Вот и набегает объём почти что энциклопедический, и корректорам всё это надо вычитать и исправить, да бывает, не по одному разу. Тут вдвоём еле управлялись, но два месяца назад моя напарница Оксана Павловна ушла на пенсию, и весь объём работы свалился на мои плечи и чуть не задавил насмерть.

Зарплата у газетно-журнальных работников небольшая, а у корректора и вовсе — кот наплакал, так что редакцию нашу отнюдь не осаждали толпы желающих, несмотря на то, что объявление о вакансии выходило регулярно во всех газетах. Мы уж почти отчаялись найти человека, но тут к нашему берегу прибило эту самую Наташу. Девушка только-только окончила университет, следовательно, опыта работы — ноль, глубина знаний — тоже большой вопрос. Но на безрыбье, как известно...

Когда я пришла на работу, она уже сидела в корректорской. Завидев меня, встала и сказала:

— Здравствуйте. Я — Наташа.

— Здравствуй, красавица. А я — Лилия Петровна.

Имя удивительно подходило ей. Круглая мордашка, бóльшую часть которой занимают ярко-синие глаза, обрамлена длинными волосами

соломенно-жёлтого цвета. Самая настоящая Наташа. С такой внешностью она, понятное дело, не могла оказаться ни Людой, ни Женей, ни Еленой.

— На компьютере работать умеешь?

— В какой программе? — уточнила она.

— В любой. Желательно — во всех. Чем больше, тем лучше. Но у нас здесь используется в основном «Word».

— Да, умею, конечно... Это сейчас все умеют!

— Замечательно. Вот этот компьютер мой, следовательно, тот будет твой. Садись за стол и приступай к работе.

— А что делать надо?

— Пока что надо ждать. Как появится материал, берёшь его и вычитываешь.

— А как он появляется?

— По-разному. Бывает, главный редактор сбрасывает по внутренней почте. Бывает, приходит «самотёком» откуда-то извне. А иногда журналисты сами приносят материалы на флешках. Но ты от них ничего не принимай, потому что нам давать задания может только один человек — главный редактор. Ну, этим процессом я сама буду управлять. Усекла?

Она кивнула.

Я включила свой компьютер и, пока он загружался, задумалась: что мне делать дальше с этим новоприобретением? В роли наставника

молодых специалистов мне выступать ещё никогда не доводилось. Ну, вот и случай подвернулся...

Может, её надо для начала проэкзаменовать? А как? Спросить, помнит ли она орфограммы? Так я и сама их не помню... Или открыть справочник Розенталя по правописанию и литературной правке и спрашивать всё подряд, прямо по оглавлению? Фу, глупость какая!..

Помяявшись в раздумьях ещё пару минут, я решила: пусть всё идёт своим чередом. Придут тексты, отдам ей на вычитку, потом проверю, и дело с концом. После первой же правки мне всё станет ясно, а сейчас нечего себе голову глупостями забивать!

Но работы нет, а говорить с ней о чём-то надо. О чём, интересно?

Но девочка эту проблему решила сама:

— Лилия Петровна, а я сегодня утром, когда по коридору шла, натолкнулась на мужчину очень высокого роста. Это точно не главный редактор, потому что главный меня на работу принимал, я его знаю. Тогда кто же это?

Я уточнила:

— *Очень* высокий?

— Да, очень. Он прямо чиркал макушкой по потолку! — Она подняла руку и показала, как именно он чиркал.

— Ну, тогда это наш спортивный

обозреватель. По фамилии Степанов и по имени Степан. Из окрестных великанов — самый главный великан.

Наташа вежливо посмеялась и спросила:

— И всё-таки, как его зовут?

— Не поверишь! Его именно так и зовут: Степан Степанов. Говорит, родители его всегда были большими поклонниками творчества Сергея Михалкова, и потому, наверное, к фамилии Степанов не подобрали имени более оригинального, чем Степан. Вот и получился из ребёнка самый настоящий «дядя Стёпа — великан». Сам Стёпа этот парадокс объясняет так: как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. Лучше бы, говорит, назвали меня Мальчик-с-пальчик! Но это он кокетничает. На самом деле ростом своим он гордится. Когда был юниором, даже выступал за юношескую сборную страны по баскетболу. Ну, и теперь, понятное дело, занимается спортивной журналистикой.

— Понятно, да...

В комнату заглянула аккуратная старушка со следами, что называется, былой красоты на морщинистом лице:

— Лилия Петровна, я там материальчик набрала о городском конкурсе детского рисунка. Сбросить его вам сейчас или попозже?

— О чём разговор, Леокадия Аркадьевна!

Давайте прямо сейчас! У нас сегодня пополнение, — я указала на новенькую. — Это Наташа, моя новая напарница. — Та снова встала, как в школе, и слегка поклонилась старушке. — А это, Наташенька, Леокадия Аркадьевна, наша наборщица.

— Очень приятно, будем знакомы, — царственно кивнула Леокадия Аркадьевна в ответ на Наташин поклон и вышла из комнаты.

Наташа села на место и подняла на меня удивлённый взгляд:

— Ого, какие доисторические существа у вас работают... Сколько же ей лет?

— Хороший вопрос... Конечно, выглядит она лет на сто, но ты не верь глазам своим! На самом деле ей двести двадцать.

Наташа прыснула:

— Ничего себе! Старуха Изергиль...

— Ну что ты, старуха Изергиль по сравнению с ней — девочка юная...

— А чего это она до сих пор работает?

— Да от безделья. От скуки. Нечем больше заняться, вот и работает. Всю жизнь по редакциям трудится. Когда-то была машинисткой, потом освоила новую технику и теперь гордо именуется «оператор компьютерного набора». Некоторые журналисты — даже поверить трудно! — до сих пор сдают материалы в рукописном виде,

представляешь? Вот она их и переводит в удобоваримый вид. Незаменимый человек!

— Она что же, совсем одинокая?

— Не совсем. Дочка у неё была, только умерла лет восемь назад. Есть, правда, внук и даже правнук, но живут они за океаном.

Но слушать о правнуках старухи Изергиль Наташе было неинтересно, и она съехала на другую тему, которая занимала её куда сильнее:

— Лилия Петровна, а спортсмен этот, Степан Степанов, женат?

Ах, вот оно в чём дело... У кого что болит, тот про то и говорит...

— А ты на него глаз положила? Так вот, сразу, с места в карьер?

— Ну, не то чтобы... Но интересно, конечно!

Я вздохнула:

— Конечно... Тогда внимательно послушай меня — женщину, умудрённую жизненным опытом и годами работы в этом коллективе. В нашей редакции наметился любовный четырёхугольник, я тебе о нём поведаю, но всё это должно остаться между нами, договорились?

Наташа кивнула:

— Могила! — и придвинулась ближе ко мне.

— Так вот. Неженатых мужчин у нас трое: Иннокентий Афанасьевич, главный редактор, — это номер один; Степан, который так сильно тебя

интересует, — два; Эдик, который системотехник, — три. Иннокентий Афанасьевич выпадает из общего списка, поскольку он — главный редактор, это раз, и второе: в связях, порочащих его, замечен не был. Остаётся двое. Женщин одиноких, если исключить меня и Леокадию Аркадьевну, тоже две: художница Кристина и верстальщица Алина. Так вот, кажется мне, что Эдик влюблён в Алину, Алина — в Степана, Степан — в Кристину, Кристина — в искусство. Такой вот любовный многоугольник. Ты хочешь стать там пятым углом? И что же это за фигура тогда будет?

Наташа возвела очи к потолку, поизучала его, пошевелила губами, потом вернулась в действительность и сказала:

— Но если Кристина не влюблена в Эдика, то получается, что четырёхугольник разомкнут, так что это и не фигура даже, а просто ломаная линия. Так что изломом больше, изломом меньше, — какая разница?

Хм, умненькая девочка... А если учесть, что со стороны Эдика я хочу пристроить ещё и свой излом, то действительно: изломом больше, изломом меньше, — кто там заметит?

Но Наташа, оказывается, ещё не все вопросы для себя прояснила:

— Лилия Петровна, так я не поняла, кто у

меня соперница — Алина или Кристина?

Вот вам, пожалуйста, современная молодёжь: кто о чём, а она — о своём!

Я только плечами пожала:

— Понимай, как хочешь. То, что я тебе нарисовала, не есть истина в последней инстанции. Это просто мои наблюдения, но я ведь могу ошибаться... Ты теперь сама понаблюдай и сделай выводы. Или ты надеялась уже сегодня потащить Степанова под венец?

Она замешкалась с ответом, и тут в нашу комнату пожаловал сам главный редактор:

— Ну, как тут мои корректоры поживают?

— Неплохо поживаем, Иннокентий Афанасьевич, — зачастила я. — Вот новую сотрудницу знакомлю с прочими сотрудниками, с работой... Леокадия Аркадьевна работёнку нам подбросила, сейчас вместе вычитывать будем... Этот конкурс детского рисунка пойдёт в номер? Или будет лежать в папке «На всякий случай»?

Дело в том, что у меня в компьютере действительно есть папка, которую я так и назвала: «На всякий случай». Там мы копим материалы не очень срочные, чтобы были под рукой, если вдруг какой-то скандальный материал снимают с номера и надо срочно «дыру латать».

Главред вскинулся:

— В номер, в номер! Там, в этом конкурсе,

племянник Валерия Евстигнеевича первое место занял, как такое пропустить?

И то правда...

Главный, кивнув на прощание, вышел из корректорской, а Наташа спросила безо всякого интереса:

— Кто такой Валерий Евстигнеевич? Работает у вас, что ли?

Я хмыкнула:

— Нет, дорогая, *он* у нас не работает. Это *мы* у него работаем.

Наташа растерялась:

— Как?.. То есть... Его же зовут Иннокентий Афанасьевич... — и повела изящной ручкой в сторону закрывшейся двери.

Я кивнула:

— Этого — да. Но он здесь служит главным редактором, то есть, по сути, является таким же наёмным работником, как и мы с тобой. А Валерий Евстигнеевич — это хозяин журнала.

Наташа в буквальном смысле слова разинула рот:

— А я думала, что главный редактор называется так именно потому, что он и есть самый главный...

Я картинно развела руками:

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!

Наташа двумя пальчиками пощипала розовое ушко:

— Так всё-таки, с кем же мне предстоит бороться? С Алиной или с Кристиной?

Да уж, заниженной самооценкой девушка явно не страдает!

— Наташа, почему ты считаешь их своими соперницами? Скорее уж, это именно ты для них — соперница.

— Ах, да какая разница... Главное, что само соперничество существует!

Ну, на мой взгляд, никакого соперничества пока что нет, но, судя по воинственному настроению новой корректорши, начнётся оно прямо сегодня...

Чтобы немного отвлечь девушку от планирования военных действий, я позвала её к своему компьютеру и предложила вычитать текст, который перебрала мне Леокадия Аркадьевна.

Текст, как на грех, оказался набранным без единой ошибки. Правда, в одном месте между предложениями был пропущен пробел, но Наташа этого не заметила.

Я указала ей на это, а она возмутилась:

— Почему же компьютер это не подчеркнул?

— Потому, радость моя, что компьютерные программы, все эти «корректоры» и «редакторы»,

бывают сработаны на редкость топорно, бестолково. И если уж доверять слепо компьютеру, то о настоящей грамотности придётся забыть. А мы с тобой можем вообще остаться без работы. Поэтому наши компьютеры ничего не подчёркивают. Качество наших материалов зависит от нашей с тобой грамотности и внимательности.

Она как-то сникла. Понятно... Думала, по-лёгкому можно деньги зарабатывать, в тандеме с умным компьютером! Не тут-то было...

Заглянула Кристина:

— Лилия Петровна, а вы... Ой, а кто это у вас?

— Это Наташа, наш новый корректор, будет работать вместо Оксаны Павловны. А это — Кристина, наш штатный художник. Познакомьтесь, девочки.

Наташа вставать не стала, но улыбнулась вполне дружелюбно:

— Очень рада знакомству. Давай дружить!

Кристина неопределённо пожала плечами:

— Там видно будет... Лилия Петровна, я вот что узнать хотела: как вам показались мои вчерашние картинки?

— Очень, очень показались, Кристиночка! Особенно бело-голубая понравилась. А вот красную я сначала отложила, а потом даже в ящик

стола заперла. Знаешь, тревожная она какая-то...

Кристина просияла:

— Неужели правда? Ой, спасибо вам большое, вы мне так настроение подняли!

— Чем же это? Тем, что картину твою с глаз убрала?..

— Да-да, именно! Я так и хотела, понимаете?

Я опешила:

— Ты хотела, чтобы картина твоя не нравилась зрителю?! Что, и такое бывает?..

— Бывает, бывает, Лилечка Петровна! Я только не была уверена, что мне удастся... Но видите же, получилось! Спасибо вам!

Перегнувшись через мой стол, она чмокнула меня в щёчку и сказала:

— Ладно, пойду я...

Я пожала плечами:

— Ну иди...

— До встречи! — крикнула ей вслед Наташа и широко улыбнулась.

Улыбка получилась широкая, открытая, искренняя. И только мне одной было ведомо, что это — улыбка змеи...

Наташа задумчиво постукивала карандашиком по столу:

— Так-так... Одна есть... Теперь вторую увидеть надо. Как, вы говорите, её зовут? Алёна,

что ли?

— Нет. Алина. Она верстальщица.

— На верстаке, что ли, работает?

— Вёрстка — это процесс расположения текста, рисунков и фотографий по страницам, полосам, колонкам... Раньше это делалось вручную, сейчас — на компьютерах. Что, за пять лет учёбы у вас ни разу не обсуждалась эта тема? Не было ни одной лекции на тему редакционной работы?

— Были, кажется. Только я их прогуляла. Не могла же я знать, что приду работать именно в редакцию!

— А где ты собиралась работать? В школе преподавать литературу?

— Я вообще работать не очень хочу.

— А чего же ты хочешь? Наследство миллионное получить?

Она безнадёжно махнула рукой:

— Ну, это вряд ли... Неоткуда мне... Я хочу удачно выйти замуж.

— А «удачно» — это как?

— Ну, это чтобы никогда в жизни больше не думать о хлебе насущном. Лучше всего, конечно, было бы пойти в секретарши к богатому человеку, а потом женить его на себе!

Я только головой покачала, удивляясь такой наивности:

— Мне кажется, ты смотришь слишком много глупых сериалов. Там показывают сладкие сказки, ничего общего с жизнью не имеющие. У богатых людей полные штаты сотрудников. А уж насчёт «женить на себе»... Это можешь вообще выбросить из головы!

— Нет, пока что не буду, — улыбнулась Наташа. — Знаете же, как говорят: мечтать не вредно. Ну, и потихонечку двигаться к осуществлению своей мечты...

— Не хочется мне тебя огорчать, но я вынуждена. Вариант со Стёпой Степановым — тупиковый путь. Там не то что большими, там вообще деньгами не пахнет! Сколько получает, столько и тратит. И вечно стреляет до зарплаты то сотню, то полтинник. На мой взгляд, для тебя это не вариант.

— Ну, надо же с чего-то начинать...

Я удивилась:

— А что ты так цепляешься за эту идею? Ты же видела его всего полсекунды! И ещё даже не общалась... Вдруг он тебе не понравится?

— Он мне *уже* понравился. Может, конечно, разонравиться, но пока что этого не случилось. Ну что, Лилия Петровна, пойдём посмотреть вторую соперницу?

Ох и напористой девицей оказалась эта синеокая Наташа! Интересно — к худу или к

добру?

Мы пришли в компьютерный цех. Здесь работали Эдик, Алина и Леокадия Аркадьевна.

Я представила новенькую:

— Это наш новый сотрудник. Зовут её Наташа. Она будет работать со мной в паре. А это, Наташенька, Алина. Она занимается вёрсткой. Эдик — компьютерный гений. Мы все к нему на поклон идём, ежели чего случается с техникой...

Алина мазнула по ней безразличным взглядом и коротко кивнула. Эдик даже взгляд не оторвал от монитора, где сражались дорогие его сердцу гоблины и эльфы. И то сказать: какое ему дело до очередной корректорши? Главное, чтобы техника работала исправно...

Вернувшись в корректорскую, мы стали пить чай.

Размешивая сахар в чашке, Наташа говорила:

— Ну, Алина эта — вообще пустое место. Не соперница, нет! С Кристиной пока не очень понятно... Ладно, разберусь постепенно.

— Наташа, а ты совсем меня не стесняешься, что ли? Почему ты со мной так откровенна? А ну как я пойду и расскажу всем нашим о твоих тайных планах!

Она посмотрела на меня насмешливо:

— Ой, можно подумать... Никуда вы не пойдёте!

— Почему это?

— Потому что у вас на лице написано крупными буквами: интеллигентный человек. И никому вы ничего не расскажете. Вам ваша порядочность не позволит.

Я отхлебнула чай и поморщилась: горячо! Отставив чашку, сказала задумчиво:

— Но мне может не нравиться сама ситуация... Почему тебе это в голову не приходит?

— Ну как, мы же с вами составляем теперь коллектив, то есть как бы единый организм. А в коллективе зачем же таиться?

— Излишняя откровенность тоже бывает вредна...

Тут беседу нашу на таком интересном месте прервала открывшаяся дверь. На уровне притолоки показалась голова:

— Лилия Петров... Ой, здравствуйте, девушка! Лилия Петровна, можно вас в коридор на два слова?

— Заходи, Стёпа, не стесняйся! Заодно с новой сотрудницей познакомишься. Это Наташа, она тоже корректор.

Стёпа переступил порог, элегантно шаркнул ножкой сорок восьмого размера, коротко кивнул и сказал:

— Весьма рад знакомству. Лилия Петровна, давайте всё же выйдем!

Я вздохнула:

— Ох, что ж поделывать... Иду!

Через две минуты я вернулась в корректорскую и грустно улыбнулась Наташе:

— Ну, что я говорила? Хотел денег у меня занять! Ты всё ещё не оставила идеи прикарманить такого завидного жениха?

Уголки губ у неё заметно съехали вниз:

— Уже начинаю сомневаться... Фи, как это неприлично: взрослый человек, а не стесняется «стрелять» деньги у дам... И за что только женщины таких любят?

— Ты у меня спрашиваешь? — уточнила я. — Или у себя?

— Лилечка Петровна, а что вы сами об этом великане думаете?

Я улыбнулась:

— Если честно, то Стёпа мне нравится. И даже его всегдашние попытки занимать деньги у каждого встречного-поперечного не портят моего к нему положительного отношения. Правда, я не собираюсь за него замуж...

— Это даже лучше! — горячо закивала Наташа. — Значит, вы можете относиться к нему объективно.

М-да... С чувством юмора у неё так себе, со

здравым смыслом тоже особо не сложилось, зато откровенности — хоть отбавляй! Вот послал бог подопечную...

Тут у меня на мониторе повисло чёрное окошко ланчата с лаконичной фразой: «Зайдите ко мне».

Я встала:

— Главный редактор вызывает. Пойду... Узнаю, чего хочет.

— А чего он обычно от вас хочет? — заинтересовалась моя напарница.

— Обычно он хочет забросать меня работой так, чтобы я в ней утонула. Но сегодня нас двое, так что мы в любом случае выплывем! Мы себя в обиду не дадим!

Подмигнув ей, я ушла из корректорской.

Иннокентий Афанасьевич встретил меня в дверях кабинета. Улыбался он при этом от уха до уха:

— Ну, как вам наша новая сотрудница?

Я ушла от прямого ответа:

— Поживём, поработаем, тогда и выводы делать будем. Она что же, правда пришла без протекции?

— Правда. Спасибо, что вообще нашлась хоть одна кандидатура! Я вижу, вы не в восторге от неё?

— Да не то чтобы... Просто девочка

абсолютно никакого представления не имеет о нашей работе. Страшно далека она от редакционных дел!

— Ничего, ничего... Вы её введёте в курс дела, она пообвыкнется... Ещё радоваться будем, что взяли её!

Я пожала плечами:

— Посмотрим... Вы что-то сказать мне хотели, Иннокентий Афанасьевич?

— Скорее, я хотел у вас спросить... Вот вы вчера сказали мне насчёт Эдика, нашего компьютерщика... Это была шутка?

Я подняла брови:

— Да какие тут шутки... Я уж который день сама не своя хожу...

— Значит, это правда? А я подумал, что вы меня разыгрываете...

— Зачем бы это мне?

— И в самом деле... Только меня вот какой вопрос мучает: почему вы так легко мне эту тайну выложили? Тем более что сам я вас на откровенность не вызывал! Кажется...

— Ну, само как-то вырвалось... Я уж и не рада... А с другой стороны — надо же мне с кем-то поделиться! Почему бы не с вами?

Не зная, куда девать руки, он стал суетливо одёргивать пиджак:

— Вообще-то такими тайнами обычно делятся

с подругами...

— Не смешите меня! Какие могут быть подруги в моём возрасте? Все нормальные сорокалетние женщины по самую макушку погружены в дела семейные, нянчат мужей, детей, а то и внуков! До моих ли им переживаний?

— У вас что же, совсем нет подруг? — не поверил он.

— Почему нет? Недавно появилась одна. Виртуальная...

— Как это?

— Да так как-то... Сама собой завелась... Мы с ней теперь переписываемся. Вот только ей я могу поверить свои самые сокровенные тайны, да и то не все! Ей и вам...

— Простите, Лилия Петровна, я про подружку что-то не очень понял... С кем вы переписываетесь?

— Говорю же: с подружкой компьютерной!

— С которой недавно знакомы?

— С которой мы вовсе не знакомы!

Он развёл руками:

— Но... как... Как же можно переписываться с незнакомым человеком? Это, знаете ли, нонсенс!

— Ничуть! А с незнакомым человеком можно переписываться очень даже запросто! Не верите? Вот, можете сами посмотреть...

Я прошла к его компьютеру, влезла в свой

электронный почтовый ящик, открыла одно из писем Летиции и предложила:

— Читайте!

Он смутился:

— Да что вы, ей-богу! Придумали тоже... Я в жизни не читал чужих писем!

— Это ничего, ведь никогда не поздно начать! Кстати, насчёт нонсенса: наоборот, у нас с ней полный консенсус! Полюбуйтесь! — сделала я приглашающий жест.

Он нехотя подошёл к монитору. Нехотя, но ведь подошёл! А чего б и не подойти? Свою позицию человека глубоко порядочного он уже продемонстрировал, принципы свои высокоморальные озвучил, а теперь этими принципами можно и поступиться. Ведь читать чужие письма так интересно...

Я вошла в азарт и открывала ему поочерёдно то письма входящие, то исходящие. Не все подряд, конечно. Выборочно.

Почитав, он покрутил головой:

— М-да, чего только на свете не бывает... А чего вы Мартой назвались?

— Ну, в виртуальном мире так принято. Никто не даёт о себе никаких сведений.

— Почему?

— Потому что так прикольнее. Нет стеснения, нет боязни напороться на знакомых, нет опасения,

что твоё инкогнито может быть раскрыто. В общем, в виртуальном мире можно делать, что только душа пожелает! Аж дух захватывает!

Он уточнил:

— Следовательно, вы тоже не знаете, кто на самом деле выступает под именем «Летиция»?

Я кивнула:

— Это может оказаться кто угодно. Даже вы.

Он шарханулся подальше от компьютера:

— Как вам такое в голову пришло?

— Нет, это я так, для примера.

Снова повернувшись к экрану, он указал на жёлтенький конвертик:

— Вот это письмо вы ещё не открывали. Новое, да?

Я покивала:

— Только утром пришло. Так не терпится прочитать... Вы позволите мне сделать это в одиночестве?

— Боже мой, конечно, о чём вы говорите!

Он демонстративно ушёл в другой конец кабинета, подальше от компьютера, и стал смотреть в окно.

Я щёлкнула «мышкой» на жёлтый конвертик.

«Сделай сегодня ещё одну попытку поговорить с предметом твоей страсти, — советовала мне Летиция. — И никогда не пасуй

перед трудностями. Не отступай!»

Я ответила:

«Ну, если ты настаиваешь... Может быть, и попробую. Пожелай мне удачи, она сегодня мне очень пригодится!»

Отправив ответ, я спросила:

— Иннокентий Афанасьевич, хотите почитать?

Уже через секунду он был около монитора и читал письмо Летиции. Свой ответ я решила пока что оставить в тайне.

Прочитав письмо, главный редактор удивился:

— Так вы ещё не наладили нежных отношений с Эдиком? А говорили — Амур меж вами пролетел...

— Амур-то пролетел, но в таких делах всё так непросто, — стыдливо потупилась я. — И я стесняюсь своего патологического интереса к очень молодому мужчине, и Эдик не представляет, как ему вести себя с такой взрослой женщиной...

Слегка хмурясь, главред посмотрел мне в лицо и удивлённо поднял плечи:

— Я не понимаю... Неужто вы никого больше... То есть, как вас, женщину умную,

тонкую, интеллигентную, мог заинтересовать великовозрастный лоботряс, который дни напролёт играет в детские игрушки?

Я печально вздохнула:

— Вот и для меня загадка! Знаете, я в последние несколько дней много думала об этом, и вот что поняла: видимо, здесь сказывается изолированность от большого общества. Я даже термин такой для себя придумала: «эффект малонаселенного острова». Ну посудите сами! У меня ведь что за жизнь? Дом — работа, работа — дом, и так — изо дня в день. Тут у кого угодно крыша поедет... А сердце хочет кого-то любить! Но кого? В коллективе у нас выбор не так уж велик: Эдик да Стёпа. Почему-то сердце моё откликается только на безмолвный призыв Эдика...

— А Стёпа вам чем плох?

— Стёпа тоже всем хорош, но он, я думаю, никаких призывов мне не посылает. Получается, что и откликаться мне не на что! Хотя я не зарекаюсь. Может, скоро начну сохнуть по Степану, а может, и не начну! Как знать, чего не знаешь?

— Что же, других кандидатов не нашлось на роль сердечного дружка?

Я удивилась:

— Да кто ж ещё-то? Холостяков-то вокруг больше не наблюдается, а уводить мужчину из

семьи — последнее дело!

Он хмыкнул и покачал головой:

— Знаете, Лилия Петровна, как говорится, ничего личного, но я тоже, знаете ли, холостяк! Не подумайте только, что я вам навязываюсь, ни в коем случае! Просто — констатация факта.

Я прыснула:

— Вы!.. Господи боже мой... Вы мне ещё предложите в бой-френды Валерия Евстигнеевича! Он, как мне помнится, тоже не обременён узами брака...

— Нет, конечно, я не предлагаю вам залетать так высоко, пусть даже и в мечтах...

— А для меня, уважаемый Иннокентий Афанасьевич, вы в этом плане мало чем отличаетесь от Валерия Евстигнеевича. Он — большой босс, вы — большой босс. А старая истина учит нас чему? Держись подальше от начальства, поближе к кухне. И для психики так спокойнее, и для здоровья полезнее. Я могу вернуться на своё рабочее место?

Он отпустил меня кивком головы, и я пошла к себе.

Но идти в корректорскую мне не хотелось, потому что там эта несносная Наташа опять станет приставать со своими дурацкими вопросами, а мне сейчас надо посидеть и подумать — в тишине и покое.

Поэтому я остановилась в коридоре, присела на подоконник и стала анализировать разговор с главным.

Правду говорят: мужчины — как дети. Каждый из них, по существу, продолжает оставаться большим ребёнком. Каждому из них подавай непременно ту игрушку, которой играет другой ребёнок. До этого игрушка лежала себе в уголке, всеми забытая, брошенная, и никому не была интересна. Но стоит одному взять её в руки — всё, остальным подавай только её, и ничего другого им уже не нужно!

Разве интересовался главный редактор моей личной жизнью раньше? Да в голову не могло прийти! Незачем ему это было. А теперь он вдруг вспомнил обо мне, теперь он пытается понять, что же такого необыкновенного я нашла в компьютерщике Эдике, и даже напоминает мне о том, что он тоже холостяк! Кстати, очень неуклюже напоминает... Нет, приударить за мной всерьёз он пока что не готов, но определённая тенденция прослеживается... Получается, что акции мои возросли небывало, взлетели буквально до небес, и всё благодаря виртуальной подружке Летиции. Вот уж точно: неисповедимы пути Господни...

Здесь, на подоконнике, погруженной в глубокие раздумья, и застала меня Кристина.

— Лилечка Петровна, а что вы тут сидите?

Я улыбнулась милой девочке:

— Знаешь, Кристиночка, сказку? Была у зайчика избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Весной лисичкина избушка растаяла, и тогда решила она выгнать зайчика из его домика, чтобы самой там поселиться. Вот со мной сегодня тоже случилась прямо-таки сказочная беда. Взяли мне наконец-то напарницу — ну, ты видела её. Думала я, подмога мне в работе будет, а нет: в работе девушка не сильна, но условия в корректорской уже за полдня успела создать такие, что мне даже идти туда не хочется!

Кристина погладила меня по плечу:

— Не хочется идти — не идите. Пойдёмте лучше ко мне, я вам кофе сварю. С кардамоном!

У Кристины был собственный закуток, который она гордо именовала «мастерской». Это была странная комната под лестницей, больше похожая на чулан или каптёрку. Похоже, изначально это помещение предназначалось для складирования мётел, вёдер и лопат. Но окошко какое-никакое в помещении всё-таки было, поэтому чулан вполне официально мог именоваться «комнатой». Крестину совсем не смущала непрезентабельность такой вот «мастерской». Самое главное — она была здесь полной хозяйкой.

Смахнув со стола листы с карандашными набросками, она водрузила на освободившееся место миниатюрную электроплитку, на неё — изящную джезвочку. Щёлкнула кнопкой электрочайника, стала аккуратно засыпать порошок кофе в турку.

По комнатке поплыл необычный, очень странный запах. Надо же, всё у этой девушки странное: и картины, и комната, и кофе...

— Кристина, а что это за удивительный такой запах?

— Это как раз кардамон так пахнет. А вы что, никогда не пробовали?

Я мотнула головой:

— Не доводилось.

— А я очень люблю кофе «с присадками». Ну, с добавками разными. Мне кажется, так намного интереснее, правда?

Честно сказать, аромат кардамона не привёл меня в такой уж неопикуемый восторг, но расстраивать гостеприимную хозяйку очень не хотелось, поэтому я неопределённо пожалала плечами и спросила:

— А ты, я вижу, любишь экспериментировать во всём? Мне кажется, молотый кофе хорош сам по себе. Если, конечно, это не отходы кофейного производства... Зачем же его ещё чем-то украшать?

Она засмеялась своим неподражаемым

смехом — каким-то прохладным, серебристым:

— Лилечка Петровна, вы — чудо, прелесть! В самом деле! Но ведь и хлеб, особенно если он свежий, тоже очень хорош сам по себе, не так ли? Однако ведь вы редко едите просто хлеб, правда? Всегда хотите чем-то его украсить: маслом, колбасой, икрой, вареньем...

Я тоже засмеялась в ответ:

— Твоя правда! Хлеб хорош и сам по себе, но с маслом и с икрой он куда лучше!

Под аккомпанемент нашей высокоинтеллектуальной беседы вскипел кофе. Кристина разлила его в малюсенькие чашечки с поистёршимся от времени золотым ободочком.

Какое-то время мы молча наслаждались процессом питья из кукольных чашечек напитка с необычным ароматом.

Потом я отважилась спросить:

— Как обстоят дела в галерее? Купили что-то ещё? Хотя, я понимаю, это не моё дело...

— Нет, не купили больше ничего, но я не расстраиваюсь. Не могут же у меня покупать каждый день по картине! Так не бывает даже у великих художников, что уж обо мне говорить...

— Ты — самый великий художник современности! — заверила я её. — Ну, из тех, кого я знаю...

— Спасибо, — улыбнулась Кристина. — Я же вам говорила: если бы продавалось хотя бы по одной картине в месяц, я была бы наверху блаженства! А так как у меня уже купили две картины, причём сразу, то получается, что впереди у меня целых два месяца блаженства!

Ах, до чего же милая девочка! Наверное, родители у неё примерно моего возраста. Счастливые люди...

— Кристина, скажи: ты знаешь, кто купил твои картины? Может, из твоих знакомых кто-то?

Она свела брови на переносице и выпятила нижнюю губку:

— Нет, не думаю... Во-первых, галеристу удалось продать их по очень приличной цене. Я не буду вам её называть, ладно? Боюсь сглазить... А во-вторых, зачем бы моим знакомым идти столь извилистым путём? Там же в цену ещё и комиссионный сбор закладывается, да какой! Знакомые могли бы купить прямо у меня. Да я и подарить могла бы!

Да, это точно... Она ведь даже мне, чужому человеку, подарила свои работы, причём две сразу!

Тут меня осенило:

— Кристина, а ты почему мне картинку подарила именно вчера? К тому же — сразу две?

— Да-да, вы правильно угадали, — закивала она. — Это я на радостях. У меня купили две

работы, и подарила я тоже две. Это я так отпраздновала свой первый успех.

— А больше ты успех никак не отпраздновала?

Она смущённо улыбнулась:

— Ну, Стёпа пригласил меня вчера вечером в ресторан. Ну, не совсем в ресторан, — так, в кафе... Откуда у него деньги на настоящий ресторан? Но мне всё равно было очень приятно.

Понятно. Поиздержался вчера парень, делая доброе дело. Сегодня хотел поправить финансовое положение, а я, старая карга, отказала ему в такой малости!

Но я же не знала всех тонкостей! А сейчас вновь открывшиеся обстоятельства вогнали меня в краску.

— Я хотела сама заплатить за наш ужин, поскольку ведь это же я получила приличные деньги, — продолжала Кристина. — Только Стёпа не позволил. Ему обязательно надо было погусарствовать! Ой, смешной он...

— Но ведь хороший?

— Хороший.

— Нравится он тебе?

— Да, нравится. А что?

— А то, что теперь тебе начеку быть надобно. Появилась у нас залётная гостья, которая вознамерилась отбить у тебя твоё сокровище.

Отбить и съесть.

— Как это — съесть? — удивилась она.

— А ты не спрашиваешь — кто эта гостья?

Кристина плечами пожала:

— Понятно кто... Лисичка ваша из ледяной избушки, кто ж ещё... А когда это она успела познакомиться со Стёпой, да ещё и так сильно «запасть» на него?

— Ну, так получилось, что она сначала на него «запала», просто увидев в коридоре, а уж потом познакомилась, да и то так, шапочно... Ничего серьёзного с его стороны, уверяю тебя! Он, по-моему, даже не рассмотрел её, когда к нам заглядывал.

— Ну, теперь у него будет достаточно времени для рассматриваний. Она, как я понимаю, пришла к нам надолго?

Я развела руками:

— Тайна сия велика есть... Мне кажется, она сама ещё не определилась...

Закончить мысль мне не удалось. Разговор наш прервал шум страшной силы. Мы с Кристиной бросились в коридор. Там уже были Алина с Леокадией. Эдички не было. Ну, понятно... Что ему обычный шум в обычном коридоре? Ведь там же нет ни гоблинов, ни крылатых девочек со стрелами, следовательно, в нашем коридоре не может быть ничего интересного.

Алина с Леокадией стояли у двери в комнату Степанова. Дверь была закрыта. Из комнаты никто не вышел. Голосов тоже не было слышно.

— Леокадия Аркадьевна, что там случилось? — спросила Кристина, опасливо косясь на закрытую дверь.

Леокадия пожала плечами и сказала удивительно безразличным тоном:

— Наверняка не скажу, но, судя по шуму, я думаю, что там упал шкаф.

— Шка... кха... кха... — Алина, стоявшая ближе всех к двери, даже поперхнулась от неожиданности и закашлялась.

— Так давайте посмотрим, — решилась я подать голос.

Леокадия снова пожала плечами:

— Давайте, конечно... Если только упавший шкаф не перекрыл дверь!

Кристина ахнула:

— Он же мог привалить Стёпу! Стёпушка, ты там? Не молчи! Молчит, не отвечает... Нет, его точно прибило шкафом...

Леокадия посмотрела на неё вприщур, подумала две секунды и покачала головой:

— Ну, это вряд ли! Шкаф этот мне давно знаком, он не такой уж большой, вряд ли выше Степана, так что бились они на равных...

— Ах, Леокадия Аркадьевна, разве можно

шутить в такой момент? — возмутилась Кристина и решительно толкнула дверь.

Дверь поддавалась на удивление легко: ничто её движению не мешало. Многоуважаемый шкаф устоял на месте. Степана в комнате не было. Но зато там была... моя напарница Наташа. Она сидела на шкафу, спрятав голову в плечи и обняв колени руками. Свернувшись таким вот клубочком, она зажмурилась и только что не мяукала от страха. Рядом со шкафом, вытянувшись во весь рост, валялась лесенка-стремянка. Да ещё в художественном беспорядке по полу были разбросаны жестяные кубки — трофеи разных лет, напоминание о славной юности, особая гордость Степана. Было件нятно, что по этой комнате прошел разрушительный ураган «Наташа». Теплое имя не делало его менее разрушительным.

Немая сцена продолжалась на удивление недолго. Уже через мгновение Наташа осторожно приоткрыла сначала один глаз, вслед за ним — другой.

Алина, подбоченившись, сделала кивок вверх и спросила издевательски-дружелюбно:

— Ну, и что ты там забыла?

— Н-н-ничего...

— Пыль, наверное, вытереть хотела? — подсказала Алина, продолжая улыбаться ласковой улыбкой гюрзы. — Отвечай, мерзавка, когда тебя

спрашивают! — И улыбнулась ещё нежнее.

От этой «нежности», полыхнувшей внезапно в её взгляде, у всех присутствующих мурашки побежали, но Наташа оказалась девушкой не робкого десятка.

Сначала она подняла голову, потом гордо развернула плечи и сказала:

— Я никакая не мерзавка. Я просто хотела поближе рассмотреть вот эти вот награды. — И указала глазами на разбросанные по полу кубки.

Леокадия Аркадьевна достала из кармана тонкую сигаретку и золотистую зажигалку, неспешно прикурила и, отогнав дым рукой, спросила без особого интереса:

— Скажите мне, деточка, на кой чёрт они вам сдались?

Убедившись, что убивать её не собираются, по крайней мере, прямо сейчас, Наташа осмелела ещё больше:

— Как это «на кой»? Интересно же!

— Что именно интересно? — всё так же бесстрастно уточнила Леокадия.

Наташа уже не просто осмелела, она обнаглела: свесила ноги со шкафа и, постукивая пяткой по дверце, скривила губы подковкой, как бы удивляясь:

— Ну как «что»? Всё интересно! Из чего сделаны... Что там написано...